

Филип Фонер

МАРК ТВЕН И РАБОЧИЙ КЛАСС

*Перевод с английского З. Александровой и А. Старцева.
Вступление и примечания А. Старцева*

В апреле 1960 года по призыву Всемирного Совета Мира все передовое человечество отмечает 50-летие со дня смерти Марка Твена. С каждым годом ширится известность великого американского писателя, все яснее вырисовывается его творческий облик как художника из народа, который был тесно связан с трудящимися массами и жил их интересами.

В зарубежной твеновской литературе последних лет выделяется изданная в США книга «Марк Твен — социальный критик», написанная видным историком прогрессивного направления Филипом Фонером.

Книга Фонера о Твене не является специальной литературоведческой работой, некоторые историко-литературные проблемы, встающие в связи с творчеством Твена, не получают в ней решения или освещены недостаточно полно. Фонер поставил своей задачей определить место и роль Марка Твена в американской культуре как сатирика, как критика социальной несправедливости, и в этих пределах его книга представляет несомненный интерес. Он систематически прослеживает развитие взглядов Марка Твена на американскую общественную жизнь, которые, как известно, привели Твена к глубокому разочарованию в идеях буржуазной демократии. Фонер последовательно излагает взгляды Твена на политику и политические нравы в США, характеризует его резко отрицательное отношение к клерикализму, к национальному неравенству и национальной дискриминации, наконец к империалистической агрессии и империалистической пропаганде, вызывавших столь бурный протест писателя в последние десятилетия его жизни.

В своей работе Фонер не только использует все печатное наследие Твена, включая несобранные публикации в малоизвестных периодических изданиях, но обращается также к архивам. Он вводит в научный оборот целый ряд неизвестных и неопубликованных записей и высказываний Твена, представляющих незаурядный интерес, а подчас имеющих и крупное значение для правильного понимания мировоззрения писателя. Широкое знакомство Фонера с американской прессой XIX столетия позволило ему собрать интересные отклики рабочей печати на произведения Твена, в которых затрагиваются вопросы борьбы американского пролетариата.

Чрезвычайное значение для характеристики взглядов Твена на рабочее движение в США имеет недавно ставшая известной и широко использованная Фонером речь Твена «Рыцари труда — новая династия», произнесенная им 22 марта 1886 года в Хартфорде. Эта речь не была опубликована в свое время по политическим мотивам и осталась лежать в бумагах Твена. После смерти писателя его секретарь Альберт Пейн в своей биографии Твена, вышедшей в 1912 году, упомянул вскользь о «Новой династии» и привел из нее несколько фраз. Снова молчание — почти на полвека. Лишь в 1957 году эта неприятная для американских капиталистов речь Твена была опубликована полностью в малотиражном научном издании (*The New England Quarterly*, vol. XXX, № 3) и стала наконец достоянием истории американской культуры и литературы.

Фонер с полным основанием называет речь Твена «самой талантливой защитой рабочего движения в США в 80-е годы XIX века и одной из самых блистательных во всей американской истории».

«Благородный Орден Рыцарей Труда» возник в США в 1869 году. В 80-х годах, выйдя из подполья, Рыцари Труда превратились в первую массовую боевую организацию американского рабочего класса и нанесли несколько серьезных поражений американским капиталистам. В предисловии 1887 года к американскому изданию книги «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс отмечает слабости и ошибки Рыцарей Труда, но вместе с тем говорит о большом значении их деятельности для судеб рабочего движения в США. В период, когда Твен задумал и произнес свою речь, Рыцарей Труда травил печать капиталистической Америки, так что замечательное выступление Твена было и актом гражданского мужества.

Отдавая должное искренней поддержке, оказанной Твеном рабочему движению, не следует умалчивать и о недостатках во взгляде Твена на борьбу рабочего класса. Об одном из них Фонер говорит. Это — малая осведомленность Твена в вопросах рабочего движения, его ограниченность сферой американской политики, в силу чего писатель полагал, что успехи рабочего движения в США — явление исключительное и чисто американское. Вторая, более серьезная ошибка Твена состоит в том, что, поддерживая борьбу трудящихся и предсказывая, что пролетариату суждено создать новый, справедливый общественный порядок, Твен в то же время повторяет буржуазные измышления, имевшие хождение в отсталых кругах американских рабочих, и высказывается против неких «Социалистов, Коммунистов, Анархистов», якобы чуждых подлинным интересам рабочего класса. Эта часть выступления Твена не отражена в выдержках, приведенных Фонером. В ошибке Твена сказалась свойственная ему политическая наивность, а также отразилось присущее тред-юнионизму в США отрицательное отношение к самостоятельной политической идеологии пролетариата, характерное для Рыцарей Труда и выразившееся позднее в синдикалистских тенденциях американского рабочего движения.

Мы печатаем с сокращениями пятую главу книги Фонера «Капитал и рабочее движение», посвященную взглядам Твена на борьбу труда и капитала в США и его отношению к движению рабочего класса.

1. МИЛЛИОНЕРЫ-РАЗБОЙНИКИ

В «Простаках за границей», говоря о притязаниях богачей, Твен утверждает, что в Соединенных Штатах богатство, независимо от того, каким путем оно приобретено, стало единственным критерием для отличий и почестей: «богатый человек окружен почетом и, если пожелает, может стать членом законодательного собрания, губернатором, сенатором или генералом — будь он даже пренежежественнейшим ослом». Большинство читателей сочло это за очередную твеновскую шутку. На самом деле Твен очень серьезен. Ничто не вызвало у него такого отвращения и ярости, как похвалы по адресу промышленных и финансовых пиратов, выступивших на сцену после окончания Гражданской войны между Севером и Югом. В проповедях с церковных кафедр, на страницах газет, в журнальных статьях, даже в художествен-

ной литературе этих людей превозносили как выдающихся представителей человеческого рода, достигших своего положения по воле господней, в награду за проявленную ими веру в свои силы, упорство, трезвость, бережливость. Конечно, твердили хвалители, эти люди преследовали свои личные интересы, но «всемогущее и мудрое провидение» так направляло их деятельность, что она «шла на пользу другим людям». Один из наиболее восторженных апологетов сформулировал эту мысль так: «Люди, владеющие гигантскими состояниями, фактически получили право быть опекунами общества».

Марк Твен видел, как эти «выдающиеся личности» грабили Америку, эксплуатировали взрослых и детей, видел, как тысячи и тысячи жизней уродовались по воле богатого и могущественного меньшинства, и он не мог не отвергнуть героизации миллионеров. По его глубокому убежде-

нию, эти люди заслуживали не похвал, а клейма, а их апологеты — презрения всех порядочных американцев.

После Гражданской войны Севера и Юга многие представители американской интеллигенции, удрученные прославлением бизнеса, заняли пассивную позицию исполненных горечи наблюдателей или же полностью ушли в свой внутренний мир. Твен этого не сделал. В марте 1869 года в журнале «Пакардс Мансли» появилась его статья, резко направленная против воспевания богачей. Это было сатирическое разоблачение одного из наиболее бесчестных и свирепых финансистов-разбойников той эпохи, коммодора Корнелиуса Вандербильта.

При помощи мошеннических биржевых операций Вандербильт сколотил состояние в 105 миллионов долларов. Осуществляя свои финансовые аферы, он подкупал законодателей, судей, печать, даже членов кабинета. Он с таким пренебрежением относился к правительству и к народу, что однажды воскликнул: «Закон! Что вы мне толкуете про закон? Разве власть не в моих руках?»

Власть действительно была в его руках — как и деньги. Власть и деньги вызвали к жизни целую толпу панегиристов, которые превозносили Вандербильта как человека, обязанного всем только себе и награжденного всевышним за жизнь, полезную для человечества. В своей речи на открытии памятника Вандербильту в 1869 году* достопочтенный епископ Джейнс заявил, что, накопив земные блага, Вандербильт, конечно, обеспечил себе «небесное блаженство». Нью-йоркский мэр Окли Холл сравнил Вандербильта с Франклином, Джексоном и Линкольном, как «замечательный образец подлинно американского народного характера... пример того, как человек, рожденный в бедности, достигает одного из первых мест в стране».

В «Открытом письме коммодору Вандербильту» Твен гневно обрушивается на этих раболепствующих льстецов и создает подлинный портрет Вандербильта, разоблачает его как мошенника, который ограбил свою страну и был осыпан почестями лишь потому, что лучшие традиции американской

демократии были принесены в жертву погоне за деньгами и культу материально-го преуспеяния.

Твен делает вид, будто искренне хочет помочь Вандербильту, старается быть ему «полезным». Он предупреждает Вандербильта, что наемные писаки даром едят его хлеб. «Эти обезумевшие почитатели чужих долларов подбрасывают шляпы и кричат «Аллилуйя!» при любом вашем поступке, не разобравшись даже толком, что же вы такое сделали». Получается, что «подданные» Вандербильта, превознося его до небес, наносят ущерб его репутации.

«Вот один из ваших подданных выступает со статьей или двумя в газете, описывает, как вы поднялись из нищеты к богатству, и расхваливает вас так, словно вы совершеннейшее и благороднейшее создание господне, и в то же время, сам того не сознавая, рассказывает читателям, какой канальей надо быть, чтобы достичь того, чего достигли вы. Другой ваш подданный повествует, как вы едете на прогулку: упрямо наклонив голову, не соизволив посмотреть ни направо, ни налево, дабы осчастливить тысячи, которые ловят ваш взгляд, — гоните лошадей напропалую, и каждому ясно, что у вас на уме: «С дороги — кто может, а кто не может, что ж, оплачиваю похороны!» И как рассказчик этого очаровательного анекдотца восхваляет вас, Вандербильт, как он пресмыкается перед вами! А вот еще один ваш подданный напечатал длинную статью, где рассказывает, как, применив один из ваших ловких закулисных приемов, вы обвели публику вокруг пальца, втавив ее в аферу, подобную железной дороге Эри*, и прибавили к своим засаленным кредиткам новый миллион! Посмотрите, он расхваливает вас и ни словом не упоминает о том, что аморальное поведение столь видного деятеля, как вы, послужит развращающим примером для нового поколения дельцов, более того, для всей нации, поскольку человекообразные насекомые из числа ваших подданных превращают ваши поступки в добродетель. И еще один из ваших подданных сообщает нам, как вы,

* В начале 70-х гг. железная дорога Эри (ж.-д. линия от озера Эри до реки Гудзон) стала объектом междоусобной войны крупнейших американских капиталистов, в ходе которой было совершено множество финансовых мошенничеств и подлогов. (Прим. перев.)

* Поклонение миллионам Вандербильта в США достигло высшей точки, когда в мае 1869 года ему был воздвигнут в Нью-Йорке прижизненный бронзовый монумент.

владея калифорнийским пароходством, приказывали вашим управляющим подделывать списки пассажиров и, вопреки существующим правилам, брали на борт несколько сот лишних людей и везли их в тесноте и давке в долгий тропический рейс, подвергая риску их жизнь и здоровье и нарушая законы страны. И эти ваши мошенничества тоже прославляются...»

Твен обращается к Вандерbiltу с единственной просьбой. Он призывает коммодора «побороть свои естественные склонности и совершить хоть что-нибудь *достойное* похвалы, что-нибудь такое, за что вам не придется краснеть, когда прочтете об этом в печати...»

«Сделайте это, я умоляю вас, иначе благодаря вам в нашей стране вскоре появятся пятьсот новых Вандерbiltов, от чего упаси нас господь. Соберитесь с духом, я прошу вас, и совершите хоть что-нибудь пристойное. Отважно, великодушно, благородно протяните руку помощи и пожертвуйте четыре доллара для какого-нибудь благотворительного учреждения. Это разобьет вам сердце, я знаю, но что же делать? Вы уже старый человек, и лучше умереть внезапной смертью, совершив благородный поступок, нежели тянуть еще сотню лет, оставаясь прежним Вандерbiltом».

2. ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Твен многократно и зло высмеивает заповедь бизнесмена — «разбогатеть во что бы то ни стало; нечестным путем — если удастся, честным — если нельзя иначе», но в своих опубликованных произведениях нигде не дает определенного объяснения исторических причин, породивших эту заповедь. Он пытается это сделать в ряде неизданных пока рукописей. В черновых «Заметках по истории социальной жизни Соединенных Штатов с 1850 по 1900 год», которые он думал написать, Твен утверждает, что главной новой чертой, отличающей Америку после 1850 года, было влияние на американскую жизнь «жажды наживы» и сопутствующие ей «жестокость и цинизм».

Богатые люди, говорит он, были и до 1850 года, но они в большинстве своем приобретали богатство честным путем, и,

что еще более важно, почти не ощущался «культ денег и богачей». Американская молодежь в те годы не была одержима одной манией — «разбогатеть». Ее героями были не финансовые и промышленные пираты, ставившие единственной целью своей жизни обогащение, а государственные мужи и писатели — люди, «движимые высокими стремлениями».

Перемена в американской жизни, которая, по мнению Твена, развратила душу народа, началась с калифорнийской золотой горячки. Болезнь быстрого обогащения распространилась во время Гражданской войны, причем главными носителями заразы были банкиры Уолл-стрита, которые финансировали эту войну и вместе с железнодорожными спекулянтами грабили национальное достояние как во время войны, так и после нее. Они подчинили себе страну, правительство, муниципальные органы. Они открыто заявляли, что моральные ценности довоенной Америки ничего не стоят в новой промышленной и коммерческой Америке. Они подчеркивали, что нравственные принципы и совесть — не более чем помехи на пути к богатству. Перед вами большие возможности — не упускайте их.

Так, по мнению Твена, американцам был навязан новый взгляд на жизнь, ускоривший «моральное разложение», порожденное калифорнийской золотой горячкой и усилившееся после Гражданской войны. Разумеется, проповедники новых идей с гордостью указывали на финансовые, промышленные и технические чудеса, которых достигла новая промышленная Америка, и героизировали финансистов и промышленников, которые «победили природу и заставили ее служить процветанию страны».

Твен признавал, что после 1850 года техника сильно шагнула вперед, но утверждал, что благодетельные для человека изобретения и технические усовершенствования обращаются во зло в условиях коммерческой цивилизации, признающей одни лишь материальные ценности. «Эта цивилизация уничтожила простоту и покой прежней жизни, заменила ее поэзию, скромное довольство, наивные, простодушные романтические мечты и видения — денежной горячкой, корыстными целями, низменными стремлениями и сном, который не дает

отдыха; она создала тысячу ненужных прихотей, возвела их в потребности и ни одной из них не удовлетворила; она свергла бога и водрузила на его место золотого тельца».

Во многих произведениях, оставшихся пока неопубликованными, Твен заклеил тех, кого считал ответственными за перемены, происшедшие в американской жизни после 1850 года, упоминая среди них Дж. П. Моргана, Джона Д. Рокфеллера, Джона Ванемекера, Корнелиуса Вандербильта и других крупнейших финансистов и промышленников. Но в качестве главного злодея в не законченной Твеном социальной истории Соединенных Штатов фигурирует Джей Гулд*. Твен особо выделил этого бессовестного железнодорожного спекулянта, промышленника и газетного магната, охарактеризовав его как «крупнейшее бедствие, когда-либо постигавшее нашу родину». Гулд принес «евангелие Денежного мешка». «Мои соотечественники жаждали денег и до него, но именно Гулд научил их пресмыкаться перед деньгами, поклоняться деньгам. Они и раньше почитали людей с достатком, но это было отчасти уважением к трудолюбию и твердости воли. А Джей Гулд научил всю страну боготворить деньги и человека, владеющего ими, независимо от того, каким путем было приобретено богатство»**.

Твеновское толкование американской истории показательны для настроений интеллигенции Позолоченного века***, которая испытывала отвращение к социальной порче, принесенной растущим капитализмом, и тосковала по чистоте, якобы отличавшей американскую жизнь до золотой горячки и Гражданской войны. Не говоря уж о том, что ушедшие дни были невозвратны, такая концепция развития

* Один из самых разнузданных и бесчестных американских финансистов 70—80-х годов. Маркс назвал его «чудовищным спрутом финансового мира». Летом 1885 года Рыцари Труда организовали стачку на принадлежавших Гулду железных дорогах и вынудили его капитулировать. (Прим. перев.)

** Из неопубликованных отрывков «Автобиографии» Твена. (Прим. перев.)

*** Позолоченным веком в прогрессивной американской историографии называют период «грюндерства» вслед за окончанием Гражданской войны в США (по названию социально-сатирического романа Твена и Ч. Д. Уорнера, в котором разоблачаются финансовые аферы 70-х годов и сопутствовавшая им политическая коррупция).

американского общества до 1850 года не отвечала историческим фактам...

Твен и сам порою видел, что, рисуя довоенную Америку в розовом свете, он слишком упрощает картину. Он признавал, что даже в первые десятилетия существования США в американской жизни чрезвычайно сильно сказывалось влияние «поклонников Всемогущего Доллара», которые унаследовали этот «инстинкт» от «английских предков, молившихся Всемогущему Фардингу»*. Изображая деревню на Миссисипи до Гражданской войны, он пишет о некоем богатом «мерзавце» по имени Эйса Гувер: «Никто в точности не знал размеров его состояния; однако считалось, что кошелек его, по-видимому, был бездонным. Люди восхищались им, склонялись перед ним, льстили ему, смертельно боялись его и готовы были на все; лишь бы не навлечь на себя его гнев»**. Когда Твен заявлял: «Во времена моей юности не было ничего похожего на культ денег или преклонение перед богачами», он явно упустил из виду Эйсу Гувера.

3. ОТЧЕГО БЕДНЫЕ — БЕДНЫ?

Пока «взбесившиеся кабаны», как окрестил промышленных магнатов Уолт Уитмен, цинично тратили состояния на показную роскошь, подкупали законодательные органы, судей и губернаторов, сотни тысяч американцев жили в горькой нужде. Однако миллионеры и их приспешники либо воспевали бедность как «покров блаженства», либо винили бедняков в «лености и греховности». Богатство рассматривалось как доказательство высоких личных качеств его обладателя, а бедность столь же неопровержимо свидетельствовала о лености, алкоголизме и других пороках...

Еще в самом начале своей литературной деятельности Твен отверг эту удобную для имущих защиту господствующего порядка. Во время своего пребывания в Нью-Йорке в 1867 году Твен несколько раз посетил мрачные городские окраины и увидел там «убожество и горе, нищету, которая рождает преступления, страдание и отчаяние». В корреспонденциях, которые он посылал в «Альта Калифорния», Твен ярко описы-

* Непубликованная дневниковая запись (1896—1897 гг.).

** Из неопубликованной рукописи Твена.

вал эти «трущобы, рассадник эпидемий холеры», где ютится половина миллионного населения города, «втиснутая в чуланы, берлоги и погреба доходных домов». Бичуя домовладельцев, которые согласны, чтобы их жильцы умирали от холеры, лишь бы не истратить хоть цент на улучшение санитарных условий, Твен саркастически указывает, что люди с положением в обществе не мрут от холеры. «Мрут бедняки, греховно, преступно и постыдно бедные люди, нищие заморыши в трущобах больших городов». Он разоблачает проповедуемые богачами и их сторонниками измышления о бедности как «покрове блаженства». Он говорит, что пока еще не встречал сторонников этой доктрины из числа имущих, которые согласились бы обменять свои добытые бесчестным путем богатства на «честную бедность». «Честная бедность — это сокровище, о котором подчас мечтают даже короли, — пишет Твен, — но я готов расстаться с ним. Я наслаждался этой драгоценностью досыта, и мне хочется чего-нибудь другого. Например, стать богачом, дабы наставлять своих ближних, как надо жить, и тогда я похваливал бы честную бедность, как хвалят ее эти славные, добросердечные, жирные люди».

Переводя огонь на лицемерных святош, которые, оплакивая судьбу бедняков, вынуждают их жить и работать в таких условиях, которые увековечивают их нищету, Твен оглашает план, составленный по образцу свифтовского «Скромного предложения»*. «Выпустите кровь из несчастных рабочих и переработайте их на фарш для колбасы», — рекомендует он. «Я считаю, что бедняк в его нынешнем положении — это неиспользованное сырье для промышленности. А нарезанный на куски и законсервированный, он послужит для откорма дикарей на Каннибальских островах и в то же время улучшит состояние нашего экспорта...»

«Голод, преследования и смерть — вот заработная плата бедняка в крупнейших городах нашей страны», — пишет Твен. Но это еще не все. Бедняка оскорбляют заявлениями, что неимущий класс беден по собственной вине. Таким образом, его пыта-

* В «Скромном предложении как научить бедняков в Ирландии извлекать прибыль из своих детей» (1729) Свифт с горьким сарказмом советует своим соотечественникам перейти к людоедству.

ются лишиться не только средств существования, жизненных радостей и здоровья, но и человеческого достоинства.

Твена особенно выводили из себя пошлые рассуждения, будто рабочие бедны потому, что пропивают свой заработок. Твен был знаком с ужасами алкоголизма среди бедняков, но считал, что подлинная причина пьянства — бедность, грязь и отчаяние. Он утверждал, что, когда человек долгие часы работает в антисанитарных и опасных для жизни условиях и получает плату, которая обрекает его самого и семью на полуголодное существование, нельзя удивляться, если этот человек будет искать утешения в алкоголе...

Твен отвергал доводы промышленников, что индустрия может процветать лишь при нищенской зарплате, опасных для жизни и антисанитарных условиях труда и продолжительном рабочем дне. Он с презрением выслушивал lamentации фабрикантов, утверждавших, что восьмичасовой рабочий день и выплата рабочему прожиточного минимума разорит их дотла. Комментируя в своих дневниках требования «капиталистов-нанимателей», чтобы «установление восьмичасового рабочего дня... было делом доброй воли, а не навязывалось законодательным путем», Твен пишет: «Английские законы воспрепятствуют человеку самоубийство. Эти же люди хотят, чтобы закон разрешил человеку полусамобийство — чрезмерный труд добьет его, и осиротевшая семья останется без средств к жизни. Они против законодательства, которое облегчило бы положение этих борющихся с обстоятельствами, презираемых людей. Почему же церковь (которая принадлежит к аристократии) не предоставит решение вопроса о десятине и других грабительских поборах «доброй воле?»*.

4. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Твен твердо верил, что рабочие имеют право на досуг и отдых; но они не добьются ничего, считал он, если будут надеяться на «добрую волю» нанимателей. Только силой можно достичь победы, и рабочий класс, многочисленный и способный к

* Неопубликованная дневниковая запись Твена (февраль 1890 года).

борьбе, имеет шансы победить — если борьба будет правильно организована. Только организованность даст рабочим силы выстоять перед могучим противником.

Твен проиллюстрировал эту точку зрения в «Жизни на Миссисипи», рассказав, как в 1861 году речные лоцманы заставили признать свой профессиональный союз и добились улучшения условий труда и повышения заработной платы.

Владельцы пароходов, чтобы сбить заработок лоцманов, взяли на работу новых, необученных людей и снизили заработную плату с 250 до 100 долларов. Тогда лоцманы создали Ассоциацию с кассой взаимопомощи и обеспечением на случай смерти и потребовали восстановления прежней заработной платы. Владельцы пароходов в ответ заявили, что увольняют всех членов союза. «Все члены Ассоциации были изгнаны, внесены в черный список, и никто не брал их на работу». Наниматели издевались над союзом, но все же повысили жалованье своим лоцманам до 125 и 150 долларов, чтобы у тех не появилось охоты вступать в союз. Лоцманы — члены союза подтянули кушаки, но кое-кто из работавших лоцманов, сообразив, что без союза не было бы повышения заработной платы, присоединились к союзу. Между тем, перевозки возрастали и требовалось все больше лоцманов. Владельцы пароходов поняли, что не смогут выдержать своей линии.

«Капитан Н. был первым, кому пришлось испить горькую чашу, хотя до того он был главным поставщиком едких шуток по адресу Ассоциации. Он разыскал одного, самого опытного лоцмана из числа входивших в союз, и сказал:

— Что ж, счастье повернулось, и я готов это признать. Я нанимаю вас, лоцман, берите чемодан и прямо на борт. Отчаливаем в полдень.

— Отчаливаете в полдень? А кто у вас вторым лоцманом?

— Вторым лоцманом И. С. А что такое?

— Не иду с ним. Он не член Ассоциации.

— Что?!

— То, что вы слышите.

— Вы хотите сказать, что не пойдете с одним из старейших и опытнейших лоцманов на Миссисипи из-за того, что он не состоит в вашей Ассоциации?

— Совершенно верно.

— Ну и зазнались же вы! Я считал, что делаю вам одолжение, а теперь оказывается, что вас нужно просить об услуге. У вас, что же, правило такое в уставе?

— Да.

— А ну-ка покажите.

Они зашли вместе в помещение, где находилась Ассоциация, и секретарь союза удовлетворил любопытство капитана.

— Так что же мне делать? Я нанял мистера С. на весь сезон.

— Это не должно вас беспокоить, — сказал секретарь, — я найду вам второго лоцмана, и он будет на борту к двенадцати часам.

— Но если я уволю С., он потребует неустойку!

— Рассчитываться с С. ваша забота, капитан. Мы никогда не вмешиваемся в чужие дела.

Капитан поднял шум, однако без результата. Кончилось тем, что он уволил С., заплатил ему около тысячи долларов неустойки и взял на его место лоцмана — члена Ассоциации. Теперь уже смеялась другая сторона. Не проходило дня без новостей. Очередной капитан, вне себя от бешенства, увольнял любимого лоцмана — не члена союза и со слезами и причитаниями брал на его место ненавистного члена Ассоциации. Очень скоро на берегу околачивалась уже целая толпа безработных лоцманов — не членов союза, хотя пароходство работало с полной нагрузкой и спрос на лоцманов не ослабевал. Да, теперь смеялась другая сторона, и смеялась от души.

Судовладельцы грозились уволить всех членов Ассоциации, как только подойдет к концу деловой сезон. Но союз применил ловкий прием. Он запретил своим лоцманам сообщать сведения о фарватере реки не членам союза. Таким образом, те оказались вынуждены вести пароходы пятьсот миль по реке с информацией семи- и десятидневной давности.

«Последствия не заставили себя ждать. Лоцманы — не члены союза стали топить пароходы, сажать их на мель и попадать во всевозможные переделки, а члены Ассоциации не имели ни единой аварии. Тут даже те судовладельцы и капитаны, которые комплектовали лоцманский состав исключительно из не членов союза и бахвалились своей независимостью от Ассоциации, почувствовали, что дело плохо.

Из самолюбия они сохраняли показное спокойствие. Но в один прекрасный день все капитаны получили формальный приказ немедленно уволить лоцманов — не членов союза. И кто же взял на себя смелость издать этот приказ? Увы, это была сила невидимая, но более могучая, чем видимое начальство. Это была страховая компания!

Сводить счета было не время. Лоцманы — не члены союза упаковали чемоданы и сошли на берег. Пустили слух, что Ассоциация заключила соглашение со страховой компанией, но это была ложь. Страховая компания поняла, что система взаимной информации, практикуемая членами Ассоциации, обеспечивает безопасность на реке, и приняла свое решение, исходя из строго деловых мотивов.

В лагере противника стоял плач и скрежет зубовой, но, хочешь не хочешь, для них оставался только один путь, и они вступили на него. Парочками и группками они приходили и... просили принять их в Ассоциацию».

Заработная плата лоцманов поднялась до 500 и даже до 700 долларов в месяц. «Ассоциация открыла текущий счет в банке и была очень сильна. Не было лоцмана, который не состоял бы членом союза». Союз процветал, пока в годы вслед за окончанием Гражданской войны Севера и Юга железные дороги не подорвали пассажирское пароходное движение. Прошло еще немного времени, и «Ассоциация, а вместе с ней и благородная лоцманская наука ушли в далекое, овеянное дымкой прошлое».

Однако рассказ Твена о борьбе лоцманского союза оставался очень и очень актуальным. Книга вышла в свет в 1883 году, когда начался стремительный рост организации Рыцарей Труда, и история лоцманского союза завоевала широкую известность. Пресса кричала, что «рабочие монополии» угрожают якобы стране и утверждала, будто профессиональные союзы — чуждые Америке учреждения, завезенные европейскими коммунистами, социалистами и анархистами. Свидетельство Твена об американском профессиональном союзе, который родился и процветал еще до войны Севера и Юга, было полезным противоядием от антирабочей истерии. Рассказ о союзе лоцманов был широко использован в рабочей печати, а «Джон

Суинтон'с пейпер»*, самый влиятельный орган рабочего движения в эти годы, воздал должное Твену за «отличную поддержку борьбы рабочего класса за справедливость».

Твен следил за успехами Рыцарей Труда с неослабевающим интересом. Сильное впечатление произвело на него то, что Рыцари Труда принимали в свою организацию всех рабочих без исключения, квалифицированных и неквалифицированных, мужчин и женщин, северян и южан, негров и белых, коренных американцев и иммигрантов, принимали независимо от религиозных взглядов и политических убеждений. Ему нравился их лозунг: «Удар по одному — ущерб для всех».

Когда в 1885 году Рыцари нанесли поражение Джею Гулду, охватив своей организацией юго-западные железные дороги, принадлежавшие этому финансовому магнату, Твен приветствовал их победу как торжество всех, кто верит в демократию. То, что человек, которого Твен считал одним из опаснейших врагов американского народа, вынужден был отступить перед мощью Рыцарей Труда, было для писателя доказательством, что будущее демократии в США, более того — во всем мире, связано с судьбой организованного рабочего класса. Вдохновленный успехом Рыцарей, Твен выдвинул идею, что они должны стать ядром новой, более широкой организации, которая объединила бы в один громадный союз всех трудящихся и наконец в «золотом веке» — все человечество.

Но капиталисты и их союзники видели в Рыцарях угрозу для себя, «которую следовало сокрушить», и открыли против них злобную кампанию, заявляя, что организация состоит из антиобщественных элементов, предводительствуемых вымогателями и карьеристами.

Призывая объявить Рыцарей Труда вне закона, салемика «Газетт» в начале 1886 года писала в передовой статье:

«Неотъемлемые права американцев ясно обозначены в преамбуле к конституции и биллю о правах. Никому не дано права, пользуясь привилегиями, предоставленными

* Ежедневная газета, защищавшая интересы рабочего движения, издавалась в Нью-Йорке в 1883—1887 гг. Джоном Суинтоном, выдающимся деятелем американской прогрессивной журналистики. (Прим. перев.)

ми нашей конституцией и законами, создавать тайные организации, подобные Рыцарям Труда, и при помощи иностранных агитаторов подрывать законное правительство, чтобы поставить на его место олигархию из коммунистов и анархистов. Мы не потерпим в Соединенных Штатах организации, цель которой — уничтожение наших республиканских институтов и правительства, которое призвано охранять эти институты».

22 марта 1886 года, в самый разгар клеветнической кампании против Рыцарей Труда, в хартфордском клубе «Мандейвнинг» Марк Твен произнес речь, которую назвал «Рыцари Труда — Новая династия». Об этой речи до сих пор было известно лишь по краткому упоминанию в биографии Твена, написанной Альбертом Пейном. Полный ее текст обнаружен недавно в твеновских бумагах, хранящихся в Калифорнийском университете. Эта речь убедительно показывает, каким верным другом рабочего движения был Марк Твен.

Твен начинает с того, что объясняет аудитории, состоявшей из представителей деловых кругов и интеллигенции, что на протяжении столетий власть использовалась для угнетения и эксплуатации. Далее он задает ряд знаменательных вопросов и предлагает на них свои ответы:

«Кто же угнетатели? Их немного: король, капиталист и горстка других — подручных и надзирателей. Кто угнетенные? Их большинство: народы, лучшие представители человечества, рабочие — все те, кто создает своим трудом хлеб, пожираемый праздными белоручками. Почему считается справедливым неравное распределение плодов труда? Потому что это установлено законами и конституцией. Значит, если законы и конституция предпишут равное распределение, тогда такой порядок будет считаться справедливым. Значит, в политических обществах право определять что есть Справедливость принадлежит единственно Силе, т. е. Сила творит Справедливость. А это, в свою очередь, означает, что, если организованные избиратели из числа рабочего населения нашей страны, насчитывающего 45 миллионов, объявят свою волю остающимся 12 или 15 миллионам и объявят совершенно ясным и безупречно законным образом, что существующая система устарела, тогда она

тотчас же перестает существовать, и ни один человек из названных 15 миллионов не будет вправе представить хотя бы малейшее возражение».

В течение столетий король и «горстка других» своей властью декретировали, что справедливо и что несправедливо. «Была эта власть реальной или воображаемой?» — спрашивает Твен и дает ответ:

«До сегодняшнего дня она была реальной, но начиная с сегодняшнего дня — я верю в это всем сердцем — в нашей стране она навеки — тлен и прах. Ибо другая, великая сила, превосходящая власть королей, поднялась на этой единственной на свете земле, поистине предназначенной для свободы. И вы, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, взгляните в сияние ее знамен, вслушайтесь в поступь ее воинств. Пусть насмешники скалят зубы, пусть ищут придирок и возражений, она взойдет с господней помощью на свой трон со скипетром в руке, и голодные насытятся, и нагие оденутся, и надежда блеснет в глазах отвыкших надеяться. И фальшивая знать уберется прочь, и законный хозяин вступит во владение своим домом».

Чтобы подкрепить свою мысль, Твен обращается к историческому прошлому человечества. На протяжении истории, говорит он, господствующие классы высмеивали мысль, что в один прекрасный день власть будет вырвана из их рук теми, кого они угнетают и эксплуатируют. Они имели основание для насмешек. Человеческий род, «гигантская медлительная громада», только оплакивал свою участь. Раз или два на протяжении жизни каждого поколения «отдельные частицы этой громады приходили в движение и восставали, раздавались голоса, что нельзя больше терпеть гнет, унижение, нищету, но через несколько дней они отступали, разбитые, снова безгласные, осыпаемые насмешками». Подобным же образом в эпоху господства капиталистов рабочие отдельных профессий, организованные в профессиональные союзы, «с надеждой поднимались на борьбу, выставляя свои требования». Но это была всегда борьба в одиночку, рабочие других профессий не были организованы, а если были, то предпочитали «заниматься своими собственными делами — мы-то ведь ни с кем не ссорились! — и врагам их было над чем смеяться, и они смеялись».

«Но когда *все* каменщики, и все слесари, и все шахтеры, и все кузнецы, и печатники, и подносчики кирпича, и портовые грузчики, и маляры, и стрелочники, и машинисты, и кондукторы, и все фабричные, и все извозчики, и продавщицы, и белошвейки, и телеграфисты — словом, все миллионы трудящихся людей, в которых дремлет эта великая сила, именуемая *Властью* (подлинная власть, а не обветшалая и ложная тень ее!), — когда они восстанут, вы вольны будете в утешение себе называть происходящее любым обманчивым наименованием, но вы не уйдете от факта — это будет восстание *Нации*».

Эта новая власть — не видение будущего. Она уже обнаруживает себя. Твен рассказывает, что произошло в январе 1886 года в сенатской комиссии, рассматривавшей закон об авторском праве. Ожидая своей очереди для выступления в качестве свидетеля, Твен слышал речь вызванного в комиссию представителя рабочих-печатников. Это был Джеймс Уэлш, президент Второго Филадельфийского союза типографских рабочих, входившего в «Орден Рыцарей Труда». Среди присутствующих знаменитых писателей и сенаторов он выделялся своим скромным обликом, но речь его произвела на всех огромное впечатление. Он сказал: «Я присутствую здесь не как рабочий-печатник, и не как каменщик или плотник, и вообще не представляю какой-нибудь одной профессии. Я выступаю от имени рабочих *всех* профессий, *всех* отраслей промышленности, *всех* моих собратьев, которые каждодневно зарабатывают хлеб насущный на огромном пространстве от Атлантического до Тихого океана, от Мэйна до Мексиканского залива, чтобы прокормить себя, своих жен и детей. Мой голос — это голос пяти миллионов человек».

Сенаторы утратили свой скучающий вид, они слушали с почтением — с ними разговаривал хозяин, представитель новой и вполне реальной власти, и «к его приказу надо было прислушаться».

«Это был, пожалуй, первый случай в мировой истории, когда заговорила нация, не чужим, а своим собственным голосом, и, по милости судьбы, мне довелось услышать это. Я почувствовал, как перед лицом этого зрелища поблекла вся мишура и все спектакли исторического прошлого. Их по-

золота, глянec и перья выглядели убогими в сравнении с этим царственным величием во плоти. И я подумал тогда — и продолжаю так думать, — что наша страна, так расточительно богатая сокровищами, которыми по праву может гордиться, приобрела новое сокровище, превосходящее все, что она имела до сих пор. Нация, в лице этого человека, держала речь, а слуги внимали ей, да, я говорю *слуги*, а не хозяева, лицемерно *именуемые* слугами нации. Ничего подобного не ведала ни одна страна, ни одна эпоха.

Те, от чьего имени говорил рабочий-печатник, и составляют нацию, и она продолжает и сейчас свою речь».

Обращаясь далее к «Манифесту жалоб и требований», выпущенному Рыцарями Труда в 1878 году, Твен призывает своих слушателей тщательно изучить этот документ. Программа Рыцарей Труда, изложенная в Манифесте, требовала, чтобы «трудящиеся владели справедливой долей ценностей, создаваемых их трудом». В Манифесте утверждалось, что «если не будет приостановлено внушающее тревогу агрессивное наступление крупных капиталистов и корпораций, оно приведет к обнищанию и вырождению трудящихся масс». Там были требования запретить использование труда детей до 14 лет, установить равную плату за равный труд для мужчин и женщин, законодательным путем запретить работу в шахтах и в промышленности без соблюдения надлежащей техники безопасности, передать во владение государства «телеграф, телефон и железные дороги», «снизить рабочий день до восьми часов, чтобы рабочие могли пользоваться плодами новейшей техники, создаваемой их мозгом, имели бы больше времени для отдыха и развлечений, для духовного совершенствования». Эти требования казались новыми, опасными, революционными. Но Твен утверждал, что требования Манифеста в своей основе отнюдь не новы: «Это старейшие требования на свете, они родились на свет вместе со звуком человеческого голоса». Вызывая досаду у избалованных и могущественных, они звучали в их ушах с начала человеческой истории. До сих пор на них отвечали насмешкой, их объявляли бреднями тех, «кто требует луну с неба, хочет невозможного». Сейчас эти требования обрели иной смысл, потому что их предъявила массовая

организация рабочего класса. Пора насмешек миновала. Пришло время внимательно слушать.

Вот так, в свете исторического опыта человечества, говорит Твен, следует читать этот Манифест. И тогда читатель спросит себя с изумлением:

«Как же случилось, что эти люди лишены столь необходимых и элементарных условий существования и должны за них бороться? Лишены их уже в течение столетий, а баловни нашего мира не знали об этом или знали, но не хотели замечать, мирились с этим позором и с бесчеловечностью. И вот рождается мысль: как это странно! Может ли быть, чтобы голодный младенец, требуя того, что дала ему природа, тянулся к материнской груди, а материнское сердце осталось бы глухо или мать знала бы, что ребенок голоден, и отвернулась бы от него?»

Прочитайте этот Манифест, прочитайте внимательно и задумайтесь над ним. Некоторым из нас здесь предъявлено обвинение в измене справедливым принципам суверенной нации. Обвинительный акт составлен авторитетным прокурором, и близок час, когда мы предстанем перед судом республики. И мы услышим в обвинении такие пункты, которые не в силах будем оспорить».

Твен ликует при мысли, что рабочий класс нашел наконец способ бороться против несправедливости.

«Много раз,— говорит он,— мне случилось видеть, как бьют лошадь, и я глубоко сожалел, что не знаю лошадиного языка и не могу шепнуть: «Дурачина, ты же сильнее! Пойми это! Ударь его копытами!»

«Миллионы трудящихся на протяжении веков были выючными животными, вынуждены были ими быть. Чтобы стать хозяевами положения, им нужен был искусный вождь, который дал бы им силу и научил их, как ею пользоваться. И они обрели этого вождя в объединенности и стали хозяевами своего положения — впервые в этом мире порфиру надел подлинный властелин, впервые слова «король божьей милостью» перестали быть ложью».

Богачи клеветали на нового властелина, распространяя слухи, что он несет с собой угрозу обществу. Твен, напротив, утверждает, что только этот властелин спасет то лучшее, что создало общество, что в нем

та сила, которая способна противостоять разрушительным социальным тенденциям. Не приходится сомневаться, этот новый властелин первоначально использует свою силу для принуждения, «он не более добродетелен, чем те, кто властвовал до него, и не претендует на это». Но здесь есть разница, полная глубокого значения. «Разница в том, что он будет угнетать меньшинство, а те угнетали большинство, он будет угнетать тысячи, а те угнетали миллионы...»

Заключительные слова Твена исполнены волнения и надежды:

«Уже недолго осталось ждать, близится срок. Воинство строится, готовое выступить в поход. Трубы играют сбор. Каждую неделю новые десятки тысяч бойцов вступают в ряды, и их шаг вливается в громовой ритм марширующих батальонов.

Он (организованный рабочий класс.— *Ред.*) — самое ошеломляющее порождение высшей цивилизации нашего века, и лучшее, и достойнейшее. Только наше столетие, только наша страна, только наш уровень цивилизации могли породить его. Подлинные, жизненные знания, которыми он владеет,— а кто больше знает, тот имеет большее право на власть,— результат полученного им опыта, в сравнении с которым образованность королей и аристократов — детский лепет, о котором лучше не упоминать...

Долог и тяжел был его путь. Созвездия в небе, видевшие его рождение, далеко уплыли от своих якорей. Наконец он пришел. Пришел и останется здесь. С ним наступила величайшая эпоха из всех, которые переживало человечество. Не пытайтесь отмахнуться, это время прошло. Перед рабочим классом стоит самая благородная задача, какая только выпадала на долю человека, и он выполнит ее. Да, теперь не задашь вопрос — как это было тысячами, — как же нам поступить с ним. Впервые в истории человечества нас никто не приглашает в руководители. На этот раз перед нами не брешь в плотине, перед нами разлившийся Поток!»

В великолепной речи Твена нетрудно, конечно, найти отдельные промахи. Полагаясь на Джеймса Уэлша, он значительно пере-

оценивает численность Рыцарей Труда, которые в действительности насчитывали 750 000 членов. Наивно также говорить о мощном организованном рабочем движении как о чисто американском явлении, невозможном ни в какой другой стране, когда в Англии профессиональное движение было в ту пору развито еще сильнее, чем в Соединенных Штатах. Восторженная оценка рабочего движения в США как новой силы, которая фактически оттеснила капиталистов от власти, конечно, непомерно оптимистична.

При всех этих недостатках «Новая династия» Твена несомненно является самым красноречивым выступлением в защиту рабочего движения в 80-е годы и одной из самых блистательных во всей американской истории. Большинство американских интеллигентов восьмидесятых годов не только не сочувствовали стремлениям и методам борьбы рабочих организаций, но и считали их опасными и даже — в особенности это относится к Рыцарям Труда — приравнивали к восстанию. Лишь очень немногие — в том числе Генри Демарест Ллойд * и У. Д. Хоуэллс ** — выступали в защиту рабочих; но и из этих писателей никто так энергично не отстаивал право рабочего класса объединяться для отпора угнетателям, а главное не утверждал, что ему суждено быть ведущей общественной силой. Никто не доказал с такой убедительностью, что рабочий класс и нация — понятия адекватные, что рабочие и представляют нацию.

Хоуэллс, которому Твен послал экземпляр своей речи, признал ее убедительнейшей поддержкой рабочего движения. Он сообщил Твену, что прочитал речь о Рыцарях Труда «с воплями ликования», и заявил, что выступление Твена — «лучшее из всего до сих пор сказанного на эту тему». По-видимому, Хоуэллс пытался напечатать статью в газетах, но не смог. «Ни одна газета, — пишет он Твену, — не желает взглянуть правде в глаза... Нигде пресса

* Ллойд, Г. Д. (1847—1903) — радикальный американский публицист; выступил в 80-х гг. с разоблачением капиталистических монополий и поддержал борьбу рабочего класса.

** Хоуэллс, В. Д. (1837—1920) — известный американский писатель-романист, близкий друг Твена; под впечатлением классовых боев в США в 80-х гг. вступил на путь критики капитализма.

так не обманывает доверия читателя, как у нас» *.

Речь Твена более семидесяти лет оставалась под спудом, но высказанные в ней мысли нельзя было похоронить. Орден Рыцарей Труда распался и прекратил существование, но рабочее движение, несмотря на многочисленные слабости, продолжало развиваться, расширять свое влияние. Никогда Марк Твен не высказывал и не писал ничего более верного, чем эта характеристика организованного рабочего класса:

«...он пришел. Пришел и останется здесь... На этот раз перед нами не брешь в плотине, перед нами разлившийся Поток».

Сумев так убедительно показать связь рабочего движения 80-х годов со всей прошлой историей борьбы трудящихся масс, Твен, естественно, использовал материал своей речи в XXXIII главе «Янки при дворе короля Артура», озаглавленной «Экономика шестого века», в которой речь идет о профессиональных союзах и их противниках. Янки Хэнк Морган объясняет группе слушателей Англии VI века, что, если рабочие объединятся, «заработная плата будет неуклонно расти, как растет дерево», и что поэтому в Америке XIX века рабочие будут зарабатывать в день больше, чем в Англии VI века зарабатывают в месяц. Изумленные слушатели восклицают: «Да ведь это графские доходы!» Но тут Морган напоминает им об основном экономическом принципе, а именно, что «важны не деньги, которые получаешь, а то, сколько на них можно купить товаров... Только так можно судить, действительно ли велики ваши заработки или только с виду». Янки предсказывает, что эта проблема, как и другие, стоящие перед рабочими, будет решена, когда неработающее меньшинство («знать, богачи и вообще зажиточные слои») уже не будет определять, сколько надо платить трудящемуся большинству. Время это впереди.

«Горсточка людей сама не работает, но решает, сколько должны получать бесчисленные рабочие пчелы. Понятно? Они объединились, образовали — давайте назовем это новым словом — «профессиональный союз», они сговариваются и навязывают смиренному меньшему брату ту плату, какую им угодно платить. Пройдет трин-

* Неопубликованное письмо У. Д. Хоуэллса к Твену от 18 апреля 1888 года.

дцать веков — так гласит неписанный закон, — и объединяться будет другая сторона. И как же будут потомки этих особрывать, метать и скрежетать зубами по поводу «наглого деспотизма» профессиональных союзов! Да, именно так! Вплоть до девятнадцатого века заработную плату будут назначать специальные чиновники, а потом рабочий возьмет да и скажет: «Хватит! Две тысячи лет этим распоряжалась одна сторона — не довольно ли?» Теперь он хочет сам принять в этом участие. Да, он предъявит тогда длинный счет обид и унижений».

«И ты думаешь...»

«Что придет время, когда он сам примет участие в установлении своей заработной платы? Да! И он будет тогда сильным и разумным»...

Как много говорил роман Твена рабочим 80-х и 90-х годов, видно из того, как часто пользовались этой книгой сами рабочие на своих собраниях. Отрывки из нее, особенно глава XXXIII, читались вслух на профсоюзных собраниях и массовках и перепечатывались многими рабочими газетами Америки и Англии.

